**ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОКАХ
И ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЯХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ МОНОГРАФИИ
С. ХАНТИНГТОНА "СТОЛКНОВЕНИЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ" (М., 2006. – 571 с.)**

Поводом нашего очередного обращения к проблеме цивилизаций стало знакомство с недавно вышедшим русским переводом опубликованной в 1996 г. монографии известного политолога, профессора Гарвардского университета Самюэля Хантингтона. Книга эта стала реакцией автора на бурное обсуждение его статьи в журнале "Foreign Affairs" в 1993 г.¹ Пафос той статьи сводился к опровержению укрепившегося на Западе после крушения советской системы мнения

об универсальности западной цивилизации и о постепенном приобщении к ней всего не-западного мира вследствие неизбежной модернизации. Квинтэссенция этого мнения была изложена молодым тогда сотрудником американского госдепа Френсисом Фукуямой². Хантингтон же признавал нереальность парадигмы единого мира с возникновением в обозримом будущем универсальной цивилизации. Свой вывод он обосновывал кратким экскурсом в историю цивилизаций и более подробным анализом их современных проблем. Поскольку последовавшая за статьей книга развивала уже изложенные Хантингтоном идеи, укажем на основные из них, тем более что в книге они, естественно, несколько теряются за обилием дополнительных аргументов и доказательств.

Поскольку в современной литературе понятие *цивилизации* лишено определенности, отметим, что Хантингтон считает цивилизации культурными общностями наивысшего ранга, самым широким уровнем культурной идентичности людей, обладающих наличием таких общих черт, как язык, история, религия, обычаи, институты и субъективная самоидентификация людей. Мы бы добавили к этому и влияние природной среды, в которой все названные черты формировались. Но и в статье, как затем и в книге, автор не углубляется в анализ генезиса цивилизаций, не ищет истоки возникавших различий, а опирается на известные изыскания А. Тойнби, выделившего в свое время 21 цивилизацию³. Теперь, замечает Хантингтон, их осталось всего 6. Автора больше интересует современная проблематика и, что не менее важно, тенденции, раскрытие которых необходимо Западу для выработки адекватной политики, "ответов на вызовы".

Современные цивилизации автор делит, прежде всего, по религиозному признаку, что, в принципе, оправдано. Хотя и с существенными оговорками, которых Хантингтон старается не замечать. Так, объясняя российскую поддержку Сербии, он напоминает о православии. Но объединение в единую цивилизацию всех современных православных стран неубедительно. Едва ли оправданно утверждение, потом неоднократно повторенное и в книге, что не только Румыния с Болгарией, но и Греция не принадлежит Западу, а членство последней в западном союзе – аномалия⁴. Конфессиональный подход, кстати, требует отнесения и Грузии к православному миру, что, особенно в свете современной самоидентификации этой кавказской страны, нелепо. Хантингтон вуалирует же эту нестыковку ссылками на особость Кавказа⁵.

Основное внимание в статье Хантингтон уделяет постулированию невозможности создания "универсальной цивилизации". Он констатирует, что в исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика основные западные идеи, а усилия Запада по их пропаганде вызывают сопротивление и ведут не только к укреплению исконных ценностей этих культур, но и фундаментализма. А поскольку в условиях экономической глобализации, опирающейся на превосходство западной технологии, в не-западных обществах самосознание возрастает, конфликт между цивилизациями, утверждает автор, носит глобальный характер. *"В обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными"*, заключал статью Хантингтон⁶. Прошедшее десятилетие подтвердило этот вывод.

---

* Думается, что корни нынешней "фронды" Грузии по отношению к бывшей метрополии не случайный зигзаг, вызванный амбициозностью и неопытностью ее политиков, а выход давно копившегося недовольства.

В развернувшейся вокруг статьи полемике⁶ оппоненты отмечали, что западная культура благодаря своим успехам влияет на все другие, пронизывает их, даже китайскую, что модернизация, как правило, означает вестернизацию, что исламский фундаментализм – свидетельство не столько возрождения, сколько паники и замешательства. Хантингтон отвечал: *“Презумпция Запада, что по мере модернизации другие народы станут такими же, “как мы”, – это частица западного высокомерия, иллюстрирующая столкновение цивилизаций”*. И далее: *“нереальной является парадигма единого мира, где существует или в ближайшие годы возникнет универсальная цивилизация. Очевидно, что ныне люди обладают, как и обладали в течение тысячелетий, общими чертами, которые отличают их от других живых существ. Эти черты всегда были совместимы с существованием множества очень разных культур”*. В ответ на сомнения оппонентов в надежности опоры на классификацию Тойнби автор согласился, что ни одна парадигма неспособна объять необъятное, но заметил, *“когда люди думают серьезно, они думают абстрактно; они оперируют упрощенными картинками действительности, которые зовутся концепциями, теориями, моделями, парадигмами”*.

Эта статья и вызванный ею резонанс оказали существенное влияние на постсоветские гуманитарные науки, в определенной степени способствовав распространению цивилизационного подхода, введению его в широкий не только научный, но и общественный оборот. Понятие “затаскали”, объясняя им что угодно. Но, главное, прошедшие годы подтверждают выводы Хантингтона, причем настолько, что вышедшая спустя три года его книга уже не вызвала аналогичный ажиотаж, а на русский была переведена лишь через 10 лет, хотя в ней представлены обширные прогнозы с соответствующими политическими рекомендациями⁷.

Но, несмотря на общее согласие с пафосом книги, многими положениями, тем более подтверждаемыми окружающими нас реалиями, ее прочтение вызывает и определенную неудовлетворенность, причем не только схематизмом прогнозов, но, главное, анализом. И не событий недавних и современных. В этом автор как раз и хорошо осведомлен, и глубок, и остроумен. Но анализом историческим, важность которого определяется не только поиском истоков констатируемых фундаментальных цивилизационных различий, но базой для составления прогнозов.

Поэтому вернемся к исходному, к основе построений Хантингтона, к концепции цивилизаций. Автор, очевидно, не ставил перед собой цель начинать с генезиса цивилизаций и доверился Тойнби, воззрения и выводы которого, очевидно, соответствует его собственным представлениям. Ибо, при многообразии всех составляющих, вслед за английским исследователем автор считает основными цивилизационными различиями религиозные. Кстати, именно это первоначально и “зацепило” нас, заставив внимательнее отнестись к тексту, ибо породило вышеуказанную неубедительность в определении “православной” цивилизации.

Вспомним, что и Тойнби, считавший, что история – дело рук Творца, считал: если и существует единый ключ к истории, то искать его следует в сфере подсознательных религиозных чувств, в глубинах человеческой души. Поэтому он понимал и воспроизвел историю человечества как историю параллельно развивающихся цивилизаций, под которыми имеются в виду части человечества, объединенных общей религией⁷. Встреченная с интересом концепция Тойнби вызва-

⁶ Вполне в духе наших требований к заявкам на гранты: указать практическую пользу исследования.

ла затем серьезную критику. Известный французский медиевист Люсьен Февр назвал ее автора фокусником, который с легкостью жонглирует народами, обществами и цивилизациями прошлого и настоящего, тасуя и перетасовывая Европу и Африку, Азию и Америку. А голландский ученый П. Гейл отметил, что последние 4 тома "Исследования истории" Тойнби – это "дальнейшее расширение сумасбродной расточительности ученых примеров, написанных привлекательно и впечатляюще, хотя чаще выбранных очень небрежно и абсолютно ничего не доказывающих". Позднее и сам Тойнби ощутил изъяны своей концепции. В письме Н.И. Конраду он заметил: "Я почувствовал, что структура человеческой истории менее монадна, чем я предполагал"⁸. Здесь уместно будет вспомнить замечание Л.Н. Гумилева о том, что "... грандиозные, хотя, пожалуй, неудачные, конструкции Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби стали поводом для того, чтобы вообще отказаться от построения исторических моделей"⁹. Но такая критичность, кстати, не помешала известному этнологу выработать собственную схему мирового развития, скрепленную еще более иррациональной идеей пассионарности¹⁰.

Впрочем, несмотря на дискуссионность попыток дать всеобъемлющее толкование цивилизационного развития, само представление о локальных цивилизациях с середины XX в. широко вошло в конкретные исторические исследования¹¹.

Но здесь следует остановиться и на принципиально ином подходе к самому понятию *цивилизация*. Недавно, критикуя взгляды О. Шпенглера и его последователей, московский философ В.С. Кржевов заметил, словно в ответ на вышеприведенные слова Хантингтона (в дискуссии о его статье): "Кто занят дефинициями, тот не ведает судьбы!"¹². Философ отмечает, что "представление об истории как сумме "локальных цивилизаций" являет собой очередное порождение субъективистской гносеологии", "для которого любое человеческое знание" трактуется "как чисто умозрительная и, по сути, произвольная конструкция". Кржевов считает, что Шпенглер и прочие сторонники "цивилизационного подхода", в качестве аргумента против европоцентризма, "вопрос о единстве исторического процесса" подменяют "совершенно иным вопросом – о признании "равноправного" существования иных, неевропейских культур, также достигавших некогда "высоких" уровней развития. В итоге там, где было достаточно всего лишь отказаться от телеологических заблуждений европоцентристов, полагававших, что вся предшествующая история была "предназначена" для создания европейской цивилизации, Шпенглер и его последователи отбрасывают все целиком понимание истории как единого процесса, объявляя его "иллюзорным" порождением "неправильной" теории"¹³. С этих позиций он весьма убедительно критикует и Шпенглера, и обосновывавших особость "российского пути" евразийцев.

Представляется, однако, что существует определенная терминологическая путаница между философами и философски настроенными публицистами, с одной стороны, обсуждающими общечеловеческие проблемы и ориентированными на решение более конкретных, "приземленных" задач историками и политологами, с другой. Первые (философы и публицисты) изучают "вечные" ценности, сложившиеся после выделения человечества из животного мира в процессе исторического развития. Вторые стремятся познать современность для выработки практических рекомендаций политикам (политологи) или же пытаются понять нынешний этап развития человеческого сообщества с помощью изучения прошлого (историки). Отсюда первые представляют *цивилизацию* тем, что определяет человечество как вид, в котором биологическое соединено с соци-

альным и моральным. И в этом смысле все люди во все времена, естественно, имели и имеют общие черты от биологических до социальных и моральных, отсутствующих у других живых существ. Известно, что прямохождение и связанный с ним характер воспроизводства из-за необходимости длительного вынашивания и выхаживания ребенка породили возникновение у людей сложной социальной организации: от семьи до государства. В этом все человеческие сообщества, сколько бы они не разнились в бытовой культуре, способах обеспечения своих потребностей, этносе и типах общественных отношений, **действительно едины**. К этому, по сути, сводятся аргументы и других философов, в том числе и тех, кто, кроме Кржевова, принял участие в недавней дискуссии, отраженной в философской серии Вестника МГУ и других изданиях¹⁴. При этом существующие нередко в философской среде споры о соотношении понятий *цивилизация* и *культура*, в которых цивилизацию сводят к материальной стороне, а культуру – к духовной, вне рамок философского дискурса видятся лишь спорами о дефинициях¹⁵. Тогда же, когда отмеченные философы, как и многие другие, переходят к конкретике, с ними можно соглашаться, как, например, в том, что первоначально, в XVIII в., под *цивилизацией* действительно подразумевалось западноевропейское общество, как бы возвышавшееся над остальным отсталым человечеством. Здесь на самом деле проявился европоцентризм. А из него – и “бремя белого человека”, и все остальное, что с этим связано...

Хантингтон в главе своей монографии о природе цивилизаций изложил понимание теоретических проблем *феномена цивилизаций*, заметив, что *цивилизацию* и *культуру* делят лишь в германской литературе¹⁶. Приводятся аргументы в подтверждение концепции множественности цивилизаций, подчеркивается неопределенность их границ, пространственных и временных¹⁶. Обосновывает автор и следование идеям Тойнби, указывая, что “*коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи*”¹⁷. Возможно, именно поэтому Хантингтон использовал приемлемую для его подходов и целей концепцию Тойнби, пренебрегая ее критикой. Ведь действительно, как ни критикуй Тойнби, а вслед за ним и конфессиональную конфигурацию цивилизаций Хантингтона, его выводы адекватны реалиями, ибо хорошо ими верифицируются. То есть концепция на современном материале работает. Иное дело, можно спорить о предложенных автором прогнозах, сценариях развития событий, изложенных в последних главах его монографии. Ибо здесь уже область не конкретики, а допущений. Однако рецензенту, как историку, ближе обращение к прошлому...

Здесь не место рассуждать о сложностях исторического познания, о допущениях, которые также не всегда поддаются проверке. Но, по крайней мере, адекватность исторического анализа доказывается непротиворечивостью объяснений прошлым наших нынешних реалий. И вот в этом, если конкретизировать, видится недостаток исследования Хантингтона, побудивший рецензента взяться за перо (точнее, за компьютерную клавиатуру). Впрочем, возможно, отсутствие исторического анализа генезиса тех цивилизаций, взаимоотношения между которыми исследовал Хантингтон, и не входило в задачу, поставленную поли-

*** Заметим, однако, что в исторической ретроспекции духовное все же следует за материальным. Так, неолитическая революция, породившая первый демографический взрыв, отразивший существенное ускорение человеческого развития, была порождена материальным, а точнее, технологическим прогрессом – переходом ряда племен к земледелию и использованию глиняной посуды. Все последующие достижения человечества, в том числе и духовные, опирались на эти эпохальные открытия.

тологом. Возможно, оттого список выделенных им цивилизаций краток и декларативен¹⁸. Но тех исторических экскурсов, без которых он все же не мог обойтись, представленных в разделе *“Взаимоотношения между цивилизациями”*, явно недостаточно для объяснения хотя бы того, почему относительно молодая западная цивилизация, и только она, одна заявила о претензии на глобальность? Почему и идеи универсальности, и представление о всемирном историческом процессе тоже родились все на том же Западе? Почему, наконец, возникло это “бремя белого человека”, а не желтого, не черного, не красного? А с другой стороны, может, действительно прав Шпенглер и действительно Запад исчерпал себя? Ведь многие признаки кризиса, особенно демографические, действительно налицо.

Становление и ранняя история локальных цивилизаций в изложении Хантингтона представляют собой набор случайностей, этакое броуновское движение с внутренними и межцивилизационными конфликтами. При этом автор ограничивается описательностью (С. 59-62). Но ведь что-то же породило множество этих *“разделенных временем и пространством”* (С. 59) сообществ? Автор упоминает географический фактор, но больше упирает на мир идей, дополняемый некоей хозяйственной спецификой.

Представляется, что в течение всей доиндустриальной эпохи, т.е. от становления человека как вида (3–5 млн лет назад, по разным данным) и вплоть до начала промышленного переворота в XVIII в., то есть на протяжении почти всей истории цивилизаций, главным и даже определяющим фактором существования и развития человечества была природа, географическая среда. Она определяла форму существования: быт, способ добычи пропитания и характер складывавшихся при этом социальных порядков и структур.

Там, где природа не требовала от первобытного человека существенных усилий для поисков пищи, сооружения укрытий от непогоды, обогрева, там первобытная организация сохранилась вплоть до недавнего прошлого или даже наших дней (жители Меланезии и Полинезии, бассейна Амазонки, африканских джунглей). Прямо противоположной была история северных племен, вся энергия которых тратилась на выживание (эскимосы, чукчи и др.). В итоге и они без помощи извне не вышли из первобытности. На остальных пространствах обитания человеческих сообществ природные условия сказались хотя и не столь критично, но тоже весьма существенно.

Номады. В степях скотоводы на многие даже не столетия – тысячелетия сохранили, по сути, еще в неолите сложившийся тип хозяйства и соответствующую ему социальную организацию. Лишь позднейшие контакты с оседлыми земледельческими обществами способствовали некоторому, хотя и очень незначительному, прогрессу кочевников. Яркий пример – военно-политическая организация средневековых монголов. Но и у них она оказалась лишь временным всплеском, зигзагом исторического пути, больше повлиявшим на жизнь соседей, чем на собственную. Вспоминается недавно увиденный этнографический телесюжет о жительнице Монголии, получившей современное образование, но не ужившейся в городе и вернувшейся в родное кочевье. Противоположный пример – венгры, волею судьбы вынужденные, придя в Паннонию, перейти к оседлости из-за невозможности жить кочевым укладом на ограниченной территории.

Не менее зависели от природной среды и земледельцы. А географическое разнообразие Земли породило генезис земледельческих сообществ, постепенно сложившихся в специфические локальные цивилизации. Причем начальный этап сложения и существования самых ранних цивилизаций (IV – III тыс. до н.э.) происходил в сходных географических условиях: в долинах крупных рек ледни-

кового происхождения. Жаркий климат во всех первичных очагах земледелия позволял, во-первых, затрачивать минимум усилий для организации быта (жилища, обогрева, одежды), во-вторых, добывать пропитание, причем в достаточных количествах, практически постоянно, но лишь при условии регулирования водного режима. Так возникли основные древние "речные" цивилизации Востока: в Египте, Месопотамии, Индии и Китае. Необходимость ирригации потребовала создания централизованной организации. Соседство плодородных речных долин со степями – местом обитания кочевников – также способствовало централизации древних цивилизаций. Ибо примитивное хозяйство кочевников порождало в них зависть и агрессивность, что в сочетании с подвижностью способствовало постоянной военной активности¹⁹.

Таким образом, создание централизованных государств на Древнем Востоке было предопределено природой и соседством с кочевниками, чье существование также было обусловлено географической средой. В дальнейшем развитии, при всех локальных особенностях, возникавших в обособленных регионах, разделенных бесплодными плоскогорьями, непроходимыми и теперь горными системами и пустынями Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, общность географической среды обусловила единые основы и хозяйства, и общественных порядков.

Необходимость консолидации ресурсов породила обширные государственные образования, что отрывало власть от контроля, существовавшего в позднеродовом обществе. Обычное право переставало действовать. Для правителей открывалась возможность использовать оказавшиеся в их распоряжении ресурсы не только для общего блага, но и в личных интересах. Централизация закрепила общинные, коллективные формы земледелия и землепользования, не успевшие развиться в частные. Индивиды лишались гарантированной собственности, что и породило деспотизм, ставший "визитной карточкой" всех восточных цивилизаций. В таких условиях личность не выделилась из коллектива, в котором она только и могла обрести некую защиту. Частная собственность на землю, которая все же формировалась из монарших дарений, пожалований, складывалась только в среде приближенных к власти, то есть у высшей прослойки господствующего сословия, причем сверху, как дополнение к правам на сбор налога. Собственность же остальных была редкой, неполной, подверженной произволу, что отрицательно влияло на хозяйственную инициативу и вело к застою и цикличности в развитии всех цивилизаций Востока. Отсутствие гарантий прав личности распространялось даже на знать. Да и критерии выделения в правящий слой были субъективны. Богатство создавалось не из собственности и ренты с нее, а от перераспределения налогов, что вело к коррупции и, в итоге, – к нерациональному проеданию огромной доли производимых богатств. Хозяйственная самостоятельность не поощрялась²⁰.

Таковы были ведущие общие черты цивилизаций Востока, изначально порожденные спецификой природной среды. Безусловно, в процессе своего развития эти цивилизации породили много локальных, специфических черт. Но без вышеназванных основ невозможно понять причины противостояний этих цивилизаций западным ценностям, которые тоже имели в своей основе географическую обусловленность.

Истоки уникальности западной цивилизации следует искать даже не на западе нашего континента, а на его юго-востоке, в географических особенностях, породивших не менее уникальную цивилизацию – древнегреческую. Географические особенности Балкан не требовали создания крупных земледельческих хозяйств со сложными ирригационными системами, характерными для других

очагов древнейших цивилизаций. Мелкоконтурные гористые ландшафты с концентрацией разнообразных почвенных и растительных условий на компактных территориях способствовали и даже делали необходимым ведение поликультурного сельского хозяйства. Ограниченность пригодных для использования площадей и близость богатыми ресурсами моря стимулировали вовлечение в мореходство значительной части сельского населения. Раннее развитие у греков-дорийцев железоделательной индустрии, наряду с проблемой нехватки сельскохозяйственных угодий, способствовали и общему прогрессу ремесленного производства, продукция которого была необходима для обмена у соседей на зерно, коего у греков не хватало. Рост торговли и денежного обращения отделил от центра развивавшейся политической жизни традиционную земельную аристократию, усилил влияние торговцев и ремесленников. В этом можно видеть ключевой момент формирования античной цивилизации, в отличие от цивилизаций Востока. Ведущее значение приобретают не просто богатства (недвижимость, сокровища), а экономическая активность. В греческом обществе впервые возник и экономически укрепился неаграрный уклад, сложился слой людей, чье благополучие было связано не с землей, а с ремесленной и торговой деятельностью, с рыночной экономикой. А это меняло и социальные порядки. Самодостаточным становился индивидуальный, частный труд. Поскольку свободные собственники имели независимые от старой аристократии источники существования, традиционные позиции последней оказались подорванными. Все полноправные жители полиса получали, в принципе, равные экономические и политические права. При этом, в отличие от традиционных земледельческих цивилизаций Востока, здесь не сложилось прямое налогообложение. Заменявшие его косвенные налоги поощряли оборот, то есть деловую активность. Так, логика экономического развития, рожденная географической спецификой региона, породила и *частную собственность*, и *демократию*, без которой, как показывает наша современная история, основанная на такой собственности рыночная экономика не может успешно развиваться²¹.

В том же русле поначалу развивалось и сложившееся в аналогичной географической среде древнеримское общество. Не будем углубляться в дальнейшую историю расцвета и заката античной цивилизации. Заметим лишь, что упадок и гибель ее связаны были с развитием в ней восточных черт²².

Вернемся в Европу, теперь уже Западную. И здесь сказались природная обусловленность среды обитания одного из основных этнических компонентов европейской цивилизации – древних германцев. В местах их сложения – в Южной Скандинавии и в низовьях рек Рейна, Эльбы и Одера – были распространены небольшие долины, окруженные каменистыми лесистыми возвышенностями (в Южной Швеции) или невысокими всхолмлениями среди заболоченных низин (у южного побережья Северного и Балтийского морей)²³. Такой ландшафт способствовал формированию обособленных хозяйственных анклавов, закреплявшихся за отдельными семейными общинами. Умеренный атлантический климат позволял таким семьям вполне самостоятельно, без помощи соседей (в отличие от Востока, но подобно грекам и римлянам), обеспечивать свое существование. Так, еще на рубеже новой эры возникли скандинавский *одадь* и германский *аллод* – основа индивидуальной земельной собственности в средневековой Западной Европе²⁴. Напомним, что из аллода, как и из римского правового наследия, возник специфический западный феодализм, основанный на широких частных правах земельных собственников, противоположный восточному деспотизму²⁵. Кстати, традиции обособленного хозяйствования, сложившиеся в силу природной обусловленности и у греков с римлянами,

и у древних германцев, позволили последним воспринять римское право с его суверенностью закона и признанием института частной собственности. Именно земельные держания, признаваемые сообществами в качестве наследуемой собственности, и породили уникальные особенности Запада, основанные на специфике его природных условий, отличавшихся даже от центрально- и восточноевропейских.

Традиция наследуемых держаний – аллодов, с которой германцы вошли в средневековье, способствовала сохранению крестьянской хозяйственной самостоятельности даже в условиях попадания земледельцев в зависимость от новых землевладельцев – феодалов. Привычка, сложившаяся еще у древних скандинавов, закреплённая в том числе и в Салической правде франков, (VI в.) создавала известный иммунитет *огороженному месту* (полю, усадьбе), который вынуждены были уважать позднее и феодалы, если не хотели нарваться на крестьянское сопротивление. Поэтому в большинстве своем феодалы и не вмешивались в хозяйственную жизнь “своих” крестьян, ограничиваясь рентой. Степень закрепощенности западноевропейских крестьян нельзя преувеличивать²⁶. Такая практика способствовала сохранению крестьянской инициативности, передавшейся и средневековым горожанам – потомкам наиболее деятельных земледельцев. Таким образом, еще один феномен – свободные западноевропейские средневековые города, с возникшей из немонополизированного индивидуального труда крестьян и бюргеров конкуренцией, придавшие динамику всей западной цивилизации²⁷, также явились косвенным порождением специфических природных условий Западной Европы. Здесь нельзя не признать серьезность аргументов так называемой “географической школы” XIX в.²⁸ Конечно, специфика цивилизаций определялась множеством факторов, за недооценку которых часто эту школу критикуют. Но изначально то что было? Человек и природа!

Подтвердим это обращением к истории становления разместившихся в Европе славян. Как известно, раннеславянский этногенез, несмотря на уже более чем столетний период его изучения, все еще остается предметом дискуссий. Основная причина – отсутствие письменных источников о славянах до VI в. и неоднозначность относящихся к более раннему времени археологических материалов. Тем не менее, к территории первоначального сложения славянства по совокупности всех данных можно отнести регион от Повисленья на западе до лесостепного Правобережья Среднего Днепра на востоке, ограниченный Припятским Полесьем на севере, Карпатами и Причерноморскими степями – на юге. Начало славянского этногенеза приходится на последние столетия I тыс. до н.э., а закончился он периодом сложения пражско-корчакской культуры (VI – отчасти VII в.), единой на обширной территории Восточной и Центральной Европы. С VI в. началось активное расселение славян во всех направлениях. В Центральной Европе они освоили Полабье, Средний Дунай и вышли за географические пределы региона – на Балканы. С VII – VIII вв. отмечена активная славянская колонизация областей балтского и финно-угорского обитания. На всей территории славянского расселения долго сохранялись сильные общины, препятствовавшие появлению аллода²⁹.

Причины прочности общинных связей у ранних славян лежали, прежде всего, в особенностях природной среды территории их сложения. Более континентальный из-за отдаленности от Атлантики климат, связанная с ним густая лесистость и меньшее число теплых дней в году порождали в условиях первобытности потребность в большей площади угодий на одного человека, то есть меньшую плотность населения. Отсюда возник иной, чем на западе континента, тип

ведения хозяйства, основанный на коллективном, совместном труде, особенно при подсечно-огневом земледелии. При этом рельеф, в отличие от скандинавского, не разграничивал угодья отдельных семей, позволял большим семьям сохранять общее землепользование и совместный труд на таких владениях. Обследованные археологами западославянские поселения вплоть до конца I тыс. демонстрируют наличие единого хозяйства больших семей, а обособление индивидуальных крестьянских дворов там началось лишь с X – XI вв. и завершилось распространением в XIII – XIV в. "немецкого права", то есть под западным влиянием. Причем носителями последнего выступали правящие элиты, заинтересованные в закреплении за собой земельных владений с крестьянами³⁰. То есть почти 500 лет у западных славян ушло на изживание возникших под природным влиянием традиций организации жизни (и в системе земледелия, и в социальных порядках).

До восточных славян западноевропейские импульсы доходили еще более ослабленными, да и то только до Поднепровья, где в результате сближения ВКЛ с Польшей в XVI в., завершившегося унией 1569 г., было юридически закреплено индивидуальное крестьянское землепользование ("Устава на Волоки" середины XVI в.). Но преодолеть древнеславянские общинные традиции у восточных славян даже эта мера не сумела. Такова была сила традиционного уклада жизни, порожденная многовековым приспособлением первобытных людей к окружающей среде!

Показательно, что сложившийся в первобытности хозяйственно-социальный тип, очевидно, сохранялся и при переселении в иную географическую среду. Восточные славяне при освоении северо-западных земель (Новгородско-Псковский регион) с аналогичным прибалтийскому климатом и рельефом сохранили общинное землепользование, хотя и селились малыми поселениями, по сути – хуторами на возвышенностях, как и германцы³¹. Даже перейдя во второй половине I тыс. на бытовом уровне к малым семьям, о чем свидетельствуют выявленные археологами жилища в 9-12 кв. м, восточные славяне все равно предпочитали вести хозяйство всем поселком, коллективно³². Наоборот, у располагавшихся на балтийском побережье балтов, выросших в условиях мелкоконтурного рельефа, где, как и в северогерманских землях, преобладали угодья, ограниченные заболоченными низинами, сложился тип хозяйства, аналогичный скандинавскому, с наследуемыми семейными наделами³³. И в этом видно наследие географических основ.

Представления о сходстве древнерусской общины с синхронной ей древнегерманской³⁴ несостоятельны³⁵. То же относится и к представлениям о синхротадиальности экономического и общественного строя древних германцев и славян³⁶. Да, параллели были, но развитие разных форм общины породило все нараставшие различия сначала в процессах "конструирования" социальных структур уже в ранних государствах, а затем и в хозяйственном развитии славян и германцев³⁷.

На классическом Востоке консервация общинного землепользования, из которого вместо индивидуального владения, как на Западе, сложилась система государственной собственности (реально – собственности правителя), была, как общеизвестно, также порождена географическими условиями: потребностями ирригации и борьбы с кочевниками, от чего Западная Европа была избавлена³⁸. Лишь в островной Японии, опять-таки в силу изолированности и климатических особенностей, сложилась ситуация, близкая к западноевропейской: умеренный климат, стабильное население без постоянной кочевнической угрозы (кроме двух набегов конца XIII в.). В результате и здесь сложилась система индивидуального

землевладения, что превратило в дальнейшем страну не столько в дальний Восток, сколько в Дальний Запад³⁹.

Таким образом, все последующее развитие европейских, как, впрочем, и других народов, опиралось на закрепившуюся в исторической памяти трудовую и социальную организации, которые сформировались в процессе приспособления к окружавшим ландшафтам.

Специфичным, исходя из рассмотренного, оказалось историческое развитие Восточной Европы, географически тесно связанной и с западом континента, и со степью. С точки зрения природной обусловленности, регион, породивший особую Восточноевропейскую, или, что отражает ее позднейшую этнокультурную принадлежность, российскую цивилизацию, существенно отличался и отличается даже от первичного очага славянского этногенеза – Повисленья, Побужья и Среднего Поднепровья. Здесь и климат континентальнее, и зимы продолжительнее, и более низкие температуры, и менее плодородные почвы. Правда, рядом, в Причерноморье, находятся самые плодородные в Европе степи. Но оттуда земледельцев вплоть до XVIII в. гнали кочевники, державшие в постоянном напряжении и близлежащие лесостепные земли⁴⁰.

Все это наложило неизгладимый отпечаток на весь общественный строй Восточной Европы, на всю ту специфику, которой посвящены горы литературы с диаметрально противоположными точками зрения: от констатации тупиковости сложившихся форм и призывов к модернизации до постулирования их самобытности и неизменности. Не вдаваясь в детали, хотелось бы обратить внимание на лаконичную и, полагаем, достаточно точную оценку этой цивилизации, сделанную, что важно, не профессионалом гуманитарием, а химиком: *“В России в условиях рискованного земледелия любые работы, требовавшие длительного отвлечения от повседневных забот натурального хозяйства, должны были выполняться коллективно. Более того, при нередких у нас неурожайных годах само выживание становилось делом коллективным. Типичный для Западной Европы и США успешный фермер-одиночка в России был невозможен... Соответственно, здесь, как и далее к востоку, в Средней Азии, не могло возникнуть понятие неприкосновенности и святости частной собственности”*. И затем: *“Эти особенности России объективно способствовали формированию в ней общества”,* которое автор назвал не *“тоталитарным”*, а, по Фрейду, *“массовым”*, полностью подчиняющим себе личность. А компенсаторная *“идея пресловутой русской “духовности” несет в себе отчетливо выраженный комплекс неполноценности... как в известной басне Крылова “Лисица и виноград...”*⁴¹.

Таким образом, коренные причины возникновения локальных цивилизаций со всеми их особенностями лежали в природных условиях мест возникновения этих цивилизаций, условиях, критичных для доиндустриального человека. Такой подход должен устранить искусственность всех цивилизационных построений, особенно при обращении к недавнему прошлому и современности.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Русское издание: **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1.
- ² Автор, однако, заметил, что идея эта не нова. Наиболее известным ее пропагандистом был Маркс, опиравшийся на Гегеля. **Фукуяма Ф.** Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 135.
- ³ **Тойнби А. Дж.** Постыжение истории. – М., 1991.
- ⁴ **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. – М., 2006. – С. 250-251.
- ⁵ **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций? // Полис. – С. 43-47.

- ⁶ См., в частности: Полис. – 1994. – № 1. – С. 49-57.
- ⁷ **Тойнби А.Дж.** Ук. соч. – С. 8-15; **Монгайт А.Л.** Переписка Н.И. Конрада и А. Тойнби // Проблемы истории и теории мировой культуры. – М., 1974. – С. 145-146.
- ⁸ **Тойнби А.Дж.** Ук. соч. – С. 6; **Монгайт А.Л.** Переписка... – С. 146-148.
- ⁹ **Гумилев Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. – М., 2001. – С. 20.
- ¹⁰ Там же. – С. 269-276. Проанализировав подходы к цивилизациям Н.Я. Данилевского и Л.Н. Гумилева, лондонский исследователь А.С. Титов справедливо указал на присущий им биологический подход к истории. См.: **Коренько В.** Международная конференция "Между этносом и Евразией. Идеи и влияние Л.Н. Гумилева" // Вестник Евразии. – 2005. – № 3. О концепции Данилевского и его последователей см. также: **Я.Г. Риер.** Заметки на полях одной книги: Орлова И.Б. Евразийская цивилизация // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2000. – № 2-3. – С. 175-187.
- ¹¹ См.: **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003. – С. 6-19.
- ¹² **Кржевов В.С.** Социально-политическая концепция евразийства и проблема поиска надежных основ интеграции общества // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 2005. – № 4. – С. 81.
- ¹³ Там же. – С. 79.
- ¹⁴ **Оруджев З.М., Кузнецова Т.В.** Культура и цивилизация // Вестник МГУ. Сер.7 Философия. – 2005. – № 2. – С. 82-102; **Мотрошилова Н.В.** Варварство как оборотная сторона цивилизации // Там же. – 2006. – № 4. – С. 49-65; **Межуев В.** От диалога цивилизаций к цивилизации диалога // Космополис. – 2005. – № 3. См. также: **Драгуцкий Д.** Сломанная рамка // Новое время. – 2006. – № 1-2.
- ¹⁵ **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. – М., 2006. – С. 46. Здесь, однако, автор явно заблуждается. Такой подход характерен и для русскоязычной историографии, начиная с Данилевского. См. **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 10.
- ¹⁶ Там же. – С. 50.
- ¹⁷ Там же. – С. 48.
- ¹⁸ Автор уточнил прежний список и выделяет следующие современные цивилизации: синскую (китайскую), японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и африканскую (последние две – с оговорками). Там же. – С. 52-58.
- ¹⁹ Подробнее см.: **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 101-103.
- ²⁰ Там же. – С. 106-111.
- ²¹ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX – XX. – С. 166-167. См. также: **Гайдар Е.Т.** Сотворение Европы // Вестник Европы. – 2004 – 2005. – Т. XIII – XIV. – С. 33; **Лебедев Г.С.** Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб., 2005. – С. 95.
- ²² См.: **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы. – С. 167-168; **Ферреро Г.** Величие и падение Рима. – СПб., 1998. – Ч. II. – С. 424-425.
- ²³ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы. – С. 168-169.
- ²⁴ **Аллод** – отчуждаемое земельное владение, передаваемое по наследству. **Одаль** – неотчуждаемое наследуемое земельное владение, но не индивидуальное, каким мог быть аллод, а родовое. См.: **Лебедев Г.С.** Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – С. 135-166. Обе эти формы сближает гарантия их неотчуждения от владельца.
- ²⁵ Подробнее см.: **Филлипов И.С.** Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма. – М., 2000.
- ²⁶ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 36-37. См. также: **Баткин Л.М.** Начинаящий медиевист – в гостях у Люблинских // Одиссей – 1998. – М., 1999. – С. 223-245.
- ²⁷ См.: **Эрнандо де Сото.** Единого западного пути не существует // Независимая газета. – 23.08.2005. – С. 10.
- ²⁸ **Соловьев С.М.** Сочинения. История России с древнейших времен. – М., 1991. – Кн. VII. – Т. 13. – С. 7-8. См. также: **Уткин А.И.** Россия и Запад: история цивилизаций. – М., 2000. – С. 14, 41-42.
- ²⁹ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 204.
- ³⁰ Подробно см.: **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы. – С. 173-174.

- ³¹ **Риер Я.Г.** Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. – Могилев, 2000. – С. 31-32, 55-57, 164-167.
- ³² **Риер Я.Г.** К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // Российская археология. – 1996. – № 1.
- ³³ См. **Гудавичюс Э.** История Литвы. – М., 2005. – Т. 1. – С. 29.
- ³⁴ **Гайдар Е.** Особость России. XI – XX вв. // Вестник Европы. – 2005. – Т. XV. – С. 93.
- ³⁵ **Риер Я.Г.** История Европы глазами экономиста: о статьях Е.Т. Гайдара // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2006. – № 1. – С. 257-258.
- ³⁶ **Свердлов М.Б.** Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. – СПб., 2003. – С. 55-82.
- ³⁷ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы. – С. 183.
- ³⁸ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 101-116.
- ³⁹ Там же. – С. 119-120.
- ⁴⁰ Подробнее см.: **Дулов А.В.** Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). – М., 1983; **Милов Л.В.** Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // ВИ. – 1992. – № 4-5. – С. 37-56; **Пайпс Р.** Россия при старом режиме. – М., 2004. – С. 13-20; **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 65-66.
- ⁴¹ **Смирнов С.А.** Коммунизм как русская национальная идея // Независимая газета. – 19.06.2002.

РИЕР Я.Г.,
заведующий кафедрой всеобщей истории
УО “МГУ им. А.А. Кулешова”,
доктор исторических наук, профессор

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова